

СОЗДАТЕЛЬ МУЗЕЯ

Юрий Белов

«Занимая весьма скромное положение в современной русской жизни, Суздаль хранит до настоящего времени многочисленные и разнообразные памятники своего прошлого бытия, своей истории. При обозрении этих памятников пред нами встает Древняя Русь с ее исчезающими ныне особенностями, воскресают давно минувшие события». Такими словами начинается книга В.Добронравова «Город Суздаль и его достопамятности», изданная во Владимире в 1912 году. «Суздаль является сокровищницей русской старины, — говорится в книге Н.Ушакова «Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии» (1913), — в церквях и монастырях его хранится много дорогих русскому сердцу святынь, произведений искусства и осколков седой старины». Было время — в Суздаль приезжало много паломников поклониться святыням и помолиться Богу; приезжали сюда и с целью познания истории и обзора памятников старины. И следует подчеркнуть, что еще до рокового 1917 года, когда на Россию налетела «черная метель», говоря словами Марины Цветаевой, историки и искусствоведы называли город «сплошным музеем».

Кто знает, не случись «великих потрясений», не начлись гонения на религию и Русскую Православную церковь, тогда, может быть, и не пришлось бы «спасать» памятники и «охранять». Вне сомнения, монастыри и храмы Суздаля продолжали бы действовать как культовые учреждения, а сам город и его памятники церковной старины не подверглись бы разорению и Суздаль не превратился бы к середине 1920-х годов в «музейную скорлупу» — по выражению В.И.Романовского (1873–1945), основателя музея в Суздале, о коем и пойдет у нас речь.

Василий Иванович Романовский

После принятия в 1918 году Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви закрывались церковноприходские школы и другие учебные заведения. Было ликвидировано Суздальское духовное училище, размещавшееся в бывшем Архиерейском доме — ценнейшем памятнике русского зодчества конца XVII века. В течение 1919–1922 годов здание оказалось занято уездным отделом народного образования с многочисленными подотделами и службами. Весной 1919 года при отделе народного образования был организован подотдел охраны памятников старины и искусства, возглавить который было поручено школьному работнику и художнику К.В.Пономареву. Единственным сотрудником был бывший преподаватель Духовного училища В.В.Левкоев.

Что интересно — у этих представителей местной интеллигенции возникала мысль о создании музея, более того, ими предпринимались такого рода попытки, но оканчивались они неудачей. Не было средств, опыта и настойчивости. Дело ограничилось обивкой железом дверей комнаты, где стояла старинная изразцовая печь. Никаких предметов или экспонатов Пономареву и Левкоеву собрать не удалось. Имея печальный опыт, они выразили сомнение и В.И. Романовскому, приехавшему в Суздаль летом 1921 года, в том, что он — новичок — сможет организовать в городе музей.

Василий Иванович Романовский не был новичком. Историк по образованию (историко-филологический факультет Московского университета), он имел опыт работы во Владимирской ученой архивной комиссии, участвовал в создании Педагогического музея в Москве (1906). С 1913 по 1917 год Романовский занимал высокий пост директора русских учебных заведений Великого княжества Финляндского. После выхода Финляндии из состава России некоторое время жил в Старой Руссе, а потом решил перебраться поближе к земле-кормилице — в родные края. Жить в большом городе бывшему царскому чиновнику было опасно, поэтому выбор пал на маленький, захолустный городок, каким был после революции и гражданской войны Суздаль.

«Летом 1921 года судьба занесла меня в Суздаль, — признавался В.И. Романовский. — Когда мне более или менее определенно выяснилось, что в течение ближайших 3–4 лет придется прожить в Суздале, то я в своем уме стал составлять план, что же я там буду делать, с каким интересом свяжу я там свою работу. Формально у меня в кармане имелось приглашение Суздальского уездного отдела народного образования занять место воспитателя в мужском интернате, но такая работа не могла меня всецело заполнить и я решил, что займусь музейно-архивной работой». Он заручился поддержкой И.Э. Грабаря заняться изучением архивов Спасо-Евфимиева монастыря, а конкретно — историей секретного арестантского отделения (монастырской тюрьмы). Однако на месте обнаружилось, что весь архив

Спасо-Евфимиева монастыря уже вывезен в губернский город Владимир и Москву. В этой ситуации возникла мысль о музее.

Пришел Василий Иванович в подотдел охраны памятников старины, изложил свои соображения относительно учреждения в Суздале музея. К его великому удивлению, товарищи Пономарев и Левкоев категорически заявили, что создание музея — невозможно. И привели свои доводы: нет помещения, нет средств, нет самих предметов, которые могли бы быть музейными экспонатами. В действительности так все и было, но, как известно, под лежащий камень вода не течет. «Внутренне я никак не мог согласиться и примириться с мнением, что в Суздале не может быть музея, — писал Романовский, — когда, по несколько преувеличенному понятию, весь Суздаль целиком является музеем; нужно только его организовать, разместить в научном порядке и сделать все это историческое богатство доступным обзору, изучению и сделать их новыми факторами в культурно-историческом процессе местной жизни». Это, во-первых. Во-вторых, у Василия Ивановича был резонный вопрос к своим оппонентам: почему, когда в течение 1918 — 1920 годов реквизировалось имущество местных богачей, купцов, дворян, настоятелей монастырей, ничто из предметов искусства и старины не попало в подотдел охраны памятников старины и искусства? Вот они музейные экспонаты! Но не все еще потеряно — остается нетронутым богатство монастырей и церквей, в храмах и ризницах.

Романовский проявил настойчивость и нашел поддержку в Москве. По его просьбе в Суздаль приехал представитель Главмузея, член Всероссийской коллегии по делам музеев архитектор И.К. Жуков. Было созвано совещание представителей уездного отдела народного образования и школьных работников. Профессор Жуков заявил, что центр заинтересован в создании местных музеев и поэтому весьма охотно придет на помощь не только денежными средствами, но поделится и художественными предметами. Выступил и Василий Иванович. Ему показалось,

что собрание довольно холодно отнеслось к его инициативе, считая ее самоуверенностью. Но в протоколе было записано так: «Обмен мнений единодушно выявил необходимость и своевременность учреждения музея, к осуществлению чего уже были сделаны за последнее время первые шаги, а теперь надлежит снова проявить энергичную настойчивость к осуществлению этого дела». Кто мог публично возражать против музея! Но так как никаких денежных средств не имелось и даже не ожидалось, то среди участников совещания, инициативной группы, как значится в протоколе, не нашлось охотника взять на себя ответственную задачу, кроме Романовского, которого избрали председателем комитета по организации музея. «Этот комитет не имел членов, — вспоминал Романовский, — а потому не имел никаких и собраний, и я принялся за дело один».

Нашелся-таки подвижник, который начал энергично действовать, доказывая, что и один в поле — воин! Романовский отправляет копию протокола совещания Губмузею и запрашивает надлежащих полномочий, причем считает долгом добавить: «Я лично весьма интересуюсь музейным делом». Зимние месяцы ушли на ознакомление и изучение суздальских памятников, а 6 апреля 1922 года уездный исполнительный комитет принял постановление о передаче музею здания бывшего духовного училища. Это был важнейший момент в его жизни, по мнению Романовского, который он считал датой основания музея. Одновременно появились первые экспонаты — в результате проводившейся кампании по изъятию церковных ценностей. Василий Иванович был единственным представителем музейного отдела по экспертизе и отстаиванию произведений искусства, имевших музейное значение. Сохранение ценностей во имя научно-культурных интересов не встречало понимания. Поскольку в Суздале было много церквей (около 50), то одновременно в городе работало несколько комиссий, во многих из них дело изъятия было поручено очень горячим комсомольцам, отличавшимся максимализмом. Василию Ивановичу потребовалось много терпения и такта,

чтобы выдержать мощный напор, взять на учет и забронировать за музеем большое количество исторических и художественных ценностей: евангелий, крестов, сосудов, окладов и риз с икон преимущественно XVII—XVIII веков. Он разъяснял, что все ценности остаются народным достоянием.

Прошли в спешке первое и дополнительное, второе, изъятие церковных сокровищ. Не успел заведующий уездным краеведческим музеем перевести дух, как с 29 января 1923 года началась новая кампания — по переучету церковного имущества и ликвидации монастырей. В кратчайшие сроки были закрыты все четыре монастыря и полтора десятка приходских церквей. Монахи и монахини были выселены из обителей, храмы опечатаны. Под реальной угрозой оказалась цельность веками копившихся в ризницах художественно-исторических сокровищ, которые вслед за архивами могли «уплыть» во Владимир или Москву. Что характерно, на этот раз Романовский не был включен в состав комиссии, потому что монастыри предписывалось вышестоящим начальством однозначно ликвидировать. Но заведующий музеем немедленно встал на защиту памятников.

10 февраля 1923 года Романовский написал письмо в уездный исполком: «Постановлением комиссии по переучету церковного имущества закрыты Спасо-Евфимиев и Покровский монастыри. Означенные монастыри в целом представляют важнейшие и ценнейшие художественно-исторические памятники, которые имеют научное общегосударственное значение. При Покровском монастыре, кроме того, имеется ризница, вмещающая редчайшие произведения древнерусского искусства XIV—XV—XVI—XVII—XVIII веков. Имеются ценные предметы и в ризнице Спасо-Евфимиева монастыря. Поэтому Суздальский музей считает своим долгом ходатайствовать перед исполкомом об установлении надлежащей охраны этих памятников. Одновременно с сим мной делается представление Губмузею и Главмузею о принятии с их стороны надлежащих мер для охраны этих памятников и превращения их в национальные государственные музеи. Всего лучше и

целесообразнее было бы из Покровского монастыря, концентрировав туда все ценные памятники и предметы XVI—XVII—XVIII веков, — создать Центральный музей-«храм» наподобие того, как это устроено с московскими кремлевскими соборами». Василий Иванович усердно ходатайствовал также о приглашении его, как представителя музея, на совещание о разрешении вопроса относительно дальнейшего использования церковных зданий.

Подведение итогов работы комиссии и обсуждение вопроса дальнейшего использования церковных зданий и имущества состоялось на заседании 24 апреля. Романовский выступил со своими соображениями. К сожалению, нам неизвестно, что он конкретно сказал, но протокол, который мне довелось обнаружить в архиве Владимирской области, передает суть. Вторым пунктом повестки дня заседания значится: доклад представителя музея об устройстве музея в Суздале. «Докладчик зав. музеем Романовский указал на необходимость организации музея, — сообщает протокол, — поскольку церкви Суздала представляют собой исторические памятники и подвергаются частому обозрению научными экскурсиями. Дело в том, — и далее говорится в этом документе, — что музей до сих пор не открыт для посетителей, хотя прошел целый год со времени выделения ему здания».

Но вины директора музея в том не было.

Старое здание требовало капитального ремонта, на который у музея не было средств. Отпущенные ранее 200 рублей ушли на установку решеток на окнах, а собственно ремонт и приспособление здания начались летом 1923 года, когда был выделен кредит в 24 000 рублей. Романовский за очень короткий срок смог не только провести ремонт, но развернуть экспозицию, посвященную историческому прошлому Суздаля, подготовить музей к открытию. «Я люблю музейное дело, работаю с удовольствием и интересом», — писал он, хотя ему при-

ходило преодолевать массу препятствий и затруднений со стороны тех, кому чужды были интересы культуры. Именно представители отдела народного образования, по признанию Романовского, отличались особой косностью — непониманием задач и значения музея.

Вся подготовительная работа была сделана. В начале ноября 1923 года Романовский доложил во Владимирский Губмузей: «Настоящим сообщая, что к торжественному праздничному дню 6-й годовщины Октябрьской пролетарской революции организация Суздальского городского музея в бывшем Архиерейском доме закончена и музей открыт для обозрения. Об этом мной сделан соответствующий доклад заведующему уездным отделом народного образования с просьбой в день 7 ноября от имени музея поздравить исполком и компартию. Для обозрения музей будет открыт по пятницам и воскресеньям с 12 до 3 часов дня. В настоящее время в соответствии с имеющимися экспонатами и коллекциями культурно-просветительная работа музея будет базироваться по следующим темам:

1) Первобытная культура — а) каменный, в) бронзовый, с) железный века, остатки мамонта.

2) Переход от примитивной первобытной техники к современным процессам обработки дерева и металла.

3) Отдел краеведения — а) почва, в) флора, с) фауна. Местная нумизматическая коллекция.

Методология краеведения.

4) Отдел церковных древностей XVI—XVII вв. — характеристика идеологии Древней Руси XVI и XVII веков.

5) Уголок быта (помещицкого) конца XVIII — первой половины XIX в. — характеристика феодально-помещичьего быта.

Зав. Музеем Романовский. 7 ноября 1923 г.».

В Суздальском музее В.И. Романовский работал до лета 1940 года. Его вклад в развитие музейного дела огромен.